

УДК 94(571.5)

В.Ю. Башкуев¹, П.А. Шенова²

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО МЕДИЦИНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАЗВИТИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ БУРЯТИИ (1923–1928 ГГ.)

¹ *Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, ул. Сахьяновой, 6, г. Улан-Удэ;*

² *Майнцский университет им. Иоганна Гутенберга в Гермерсхайме, г. Гермерсхайм, Германия*

Резюме

В статье анализируется роль международного медицинского сотрудничества в развитии здравоохранения Бурят-Монгольской АССР в первые годы ее существования. Основной проблемой в 1920-е гг. была высокая распространенность венерических болезней и туберкулеза среди бурят. Между тем, Бурят-Монголия играла значительную роль в геополитических планах по экспорту революции на восток. Поэтому большевики уделяли много внимания оздоровлению бурятского народа, направляя на эти цели международную помощь. Авторы выявляют причинно-следственные связи, приведшие к организации одного из известнейших в 1920-е гг. международных проектов сотрудничества в области медицины – советско-германской экспедиции 1928 г. по изучению сифилиса в Бурят-Монголии. Раскрываются особенности научно-медицинских повесток советских и немецких участников сотрудничества. В контексте развития здравоохранения Бурятии дается оценка результатам экспедиции 1928 г.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская АССР, сифилис, социальные заболевания, гуманитарная помощь, международное сотрудничество, В.М. Броннер, Н.П. Горбунов, С.Ф. Ольденбург, советско-германская экспедиция.

V.Yu. Bashkuev¹, P.A. Shenoeva²

THE ROLE OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC COOPERATION IN THE DEVELOPMENT OF HEALTH CARE IN BURYATIA (1923–1928)

¹ *Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude;*

² *Johannes Gutenberg-Universität Mainz in Gernersheim, Gernersheim, Germany*

Summary

The article presents the analysis of the role of international medical cooperation in the development of healthcare in the Buryat-Mongolian ASSR in its early years. Prevalence of venereal diseases and tuberculosis in the Buryats was the main problem in the 1920s. At the same time, Buryat-Mongolia played an important role in the geopolitical plans to export revolution eastwards. Thus, the Bolsheviks paid much attention to the improvement of health of the Buryat people directing the incoming international aid toward these purposes. The authors expose causal relationships leading to the organization of one of the best known international joint projects of the 1920s in medicine – the 1928 Soviet-German syphilis expedition to Buryat-Mongolia. The article demonstrates the specific features of scientific and medical agendas of Soviet and German participants of the expedition. In the context of the development of healthcare in Buryatia, it assesses the outcomes of the 1928 expedition.

Key words: Buryat-Mongolian ASSR, syphilis, social diseases, humanitarian aid, international cooperation, V.M. Bronner, N.P. Gorbunov, S.F. Oldenburg, Soviet-German expedition.

В 1920-е гг. на страницах медицинской периодики, где обсуждались проблемы кожных, венерических и социальных заболеваний, часто фигурировала Бурят-Монгольская АССР – недавно образованная на востоке СССР национальная автономия. Связано это было с угрожающе высокой заболеваемостью венерическими болезнями и туберкулезом среди бурят, а также малых автохтонных народов республики – эвенков и сойотов. Особые опасения правительства и наркомата здравоохранения РСФСР вызывала чрезвычайная распространенность сифилиса, которым, по разным данным, было поражено от 42 до 60 % бурятского населения. Советские медики громко били тревогу: венерические болезни подрывали репродуктивное здоровье народа, только начавшего выходить из «малокультурного» состояния и строить государственность в рамках социалистической федерации.

Тезис о вымирании, красной нитью проходивший в большинстве материалов, шел вразрез с социальной политикой большевиков, придававших серьезное значение проблемам здоровья национальных меньшинств. Более того, в случае Бурят-Монголии – республики, специально образованной для идеологического воздействия на Внешнюю Монголию – неудача в борьбе с социальными заболеваниями означала бы фиаско, транслируемое на всю зарубежную монголосферу, от границ Маньчжурии до Синьцзяна. Допустить этого советское руководство не могло. Поэтому, к решению проблемы социальных болезней в Бурят-Монгольской АССР были привлечены все возможные ресурсы, включая нарождавшееся в тот период международное медицинское сотрудничество. О его роли в ликвидации проблемы сифилиса в Бурят-Монголии, а также в становлении здравоохранения в республике, пойдет речь в данной статье.

Сегодня история борьбы с сифилисом в Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. вызывает неоднозначную общественную реакцию. Не вдаваясь в теории манипуляции исторической памятью, отметим, что Бурятия стала хрестоматийным примером вовсе не потому, что была единственным регионом СССР, где эта проблема приобрела такой масштаб. Сифилис и туберкулез, основные социально-значимые заболевания XIX и начала XX в. в России, Европе и мире, находились в центре обширного медико-социального дискурса, в котором возникали, постепенно набирая силу, политические тона.

Наиболее известные дореволюционные врачи-общественники, например, Э.Ф. Шперк (1837–1894), начинали изучение сифилиса в Российской империи с Сибири. Автор первой специализированной научной работы о сифилисе в Северо-Восточной Сибири (1863) Эдуард Фридрихович Шперк упоминал о большой его распространенности в Забайкалье среди бурят, но концентрировал внимание на Якутии, побережье Охотского моря, Камчатке и Приамурье, где болезнь местами принимала катастрофические масштабы [8]. Сифилис был чрезвычайно распространен в Калмыцкой степи, в Казахской степи, в Средней Азии. Но самой большой проблемой оставалась его распространенность среди крестьян европейских губерний Российской империи, где болели целыми деревнями на протяжении поколений [9].

На этом фоне Бурят-Монголия могла бы оставаться одним из целого ряда проблемных регионов, если бы не уникальное сочетание геополитических факторов и вполне обычного стечения обстоятельств. Бурят-Монгольская АССР была образована 30 мая 1923 г. при активном содействии видного революционера и дипломата Б.З. Шумяцкого (1886–1938), уроженца г. Верхнеудинск (совр. Улан-Удэ), видевшего в новой республике геополитический потенциал воздействия на Внешнюю Монголию. В той же парадигме, но шире, мыслил и деятель Коминтерна, член Реввоенсовета МНР Э.-Д. Ринчино (1888–1938), считавший бурят потенциальными проводниками большевистской идеологии во всей Внутренней Азии, от Монголии до Синьцзяна и Тибета. М.А. Амагаев (1897–1944) первым из бурятских политических деятелей вынес на обсуждение в Дальбюро РКП(б) проблему социальных болезней и ее пагубное влияние на рождаемость у бурят. Произошло это в период активных дебатов, когда мнений против создания новой автономии было больше, чем голосов за.

Если Шумяцкий, Ринчино и Амагаев своими усилиями способствовали созданию геополитической субъектности Бурят-Монголии, априори сделав бурятские проблемы значимыми в контексте экспорта революции на «буддийский Восток», в медицинской плоскости проблему социальных болезней в Бурятии зафиксировал и придал ей международное значение другой уроженец Верхнеудинска – Вольф Моисеевич Броннер (1876–1939). Старый большевик, политэмигрант, имевший докторский диплом медицинского факультета Берлинского университета и обширные профессиональные связи за границей, он был одним из основателей советской венерологии. В результате активной работы в венподотделе Наркомздрава

РСФСР, Броннер сначала создает в 1919 г. в Москве образцовую венерологическую амбулаторию, а затем, в 1921 г. – Государственный венерологический институт, существующий по сей день. В.М. Броннер был вдохновителем и организатором важных научных мероприятий, в том числе всесоюзных съездов по борьбе с венерическими болезнями. Особую роль в привлечении в Бурят-Монголию международной медицинской помощи сыграл состоявшийся в 1925 г. в Харькове II Всесоюзный съезд по борьбе с венерическими болезнями.

Официально связь центра и периферии в вопросах борьбы с социальными заболеваниями осуществлялась по линии Наркомздрава РСФСР, а неформально – через В.М. Броннера и А.Т. Трубочеева (1874–1949), хорошо знакомых друг с другом по учебе и политической деятельности в Томском университете. В отличие от Броннера, первокурсник Трубочеев отделался исключением на один год с правом восстановления, окончил медицинский факультет по курсу венерологии и полностью посвятил себя врачебной деятельности, так до конца жизни и не вступив в ВКП(б).

Вряд ли кто-то лучше Андрея Тимофеевича знал о реальных масштабах проблемы сифилиса среди бурят. Его назначение наркомом здравоохранения БМАССР в августе 1923 г. автоматически означало, что социальным болезням в республике объявлена бескомпромиссная война. Борьба с главным недугом, поразившим Бурят-Монголию, стала стержнем всей политики строительства здравоохранения в республике.

Под эту кампанию выделялись значительные финансовые средства и, в особенности, ценнейшие кадровые ресурсы. Начиная с 1924 г. и на протяжении всего межвоенного периода на территории Бурятии работали венерологические отряды и экспедиции Наркомздрава РСФСР, укомплектованные врачами Государственного венерологического института, ведущих венерологических клиник и диспансеров страны. В этих мобильных группах, приезжавших в наиболее пораженные сифилисом и туберкулезом аймаки (районы), ковались кадры не только для работы внутри СССР, но и для экспорта советского здравоохранения в Монголию и Туву.

В контексте нашего исследования важно то, что первая международная помощь, поступившая молодому Наркомздраву Бурят-Монгольской АССР (Бурнаркомздраву) в 1923-1924 гг., целенаправленно предназначалась для борьбы с социальными заболеваниями. Об этом на проходившем с 9 по 14 мая 1924 г. в Верхнеудинске республиканском совещании аймачных уполномоченных Наркомздрава БМАССР доложил врач Е.М. Левитт, временно исполнявший обязанности наркома. Он подчеркнул, что в своей работе Бурнаркомздрав постоянно поддерживал связь с Москвой, «... будируя вопросы о помощи медицинскому делу Бур-республики». К моменту доклада (9 мая 1924 г.) уже удалось заручиться обещанием Сибирского управления Российского общества Красного Креста о посылке в Бурят-Монголию венерологического отряда. Бурнаркомздрав также получил 3000 долл. США на борьбу с социальными болезнями от бывшего Заграничного общества Помгола, небольшие бесплатные партии

лекарств от Наркомздрава РСФСР и лабораторное оборудование от Комиссии по распределению полученного из-за границы имущества [4]. Таким образом, часть международных благотворительных средств, собранных через упраздненные к августу 1923 г. Помгол (Центральная комиссия помощи голодающим) и Последгол (Центральная комиссия по борьбе с последствиями голода), попала в Бурят-Монголию, где была израсходована на покупку медикаментов, главным образом, неосальварсана [4].

Следующий узел международных связей Бурнаркомздрава завязался в Харькове. Там в 1925 г. был организован II Всесоюзный съезд по борьбе с венерическими болезнями (первый прошел в 1923 г. в Москве). К тому времени советские медики активно развивали научные связи с немецкими коллегами. Особое значение для развития советско-германских медицинских связей имело участие в работе харьковского съезда известных немецких венерологов Й. Ядассона и Ф. Пинкуса, представлявших германское Общество борьбы с венерическими болезнями [5]. Услышав в одном из докладов о катастрофической ситуации с сифилисом в Бурят-Монголии, немецкие врачи заинтересовались этой темой. Они знали, кому в Германии она может показаться чрезвычайно интересной.

Дело в том, что как раз в то время среди немецких венерологов и психиатров развернулась дискуссия о возможных побочных эффектах сальварсанотерапии. Заведующий психиатрической клиникой в Гейдельберге профессор Карл Вильманс (1873–1945) вынес на суд медицинской общественности гипотезу о том, что под влиянием сальварсана бледная трепонема изменяется и начинает вместо кожи и слизистых оболочек поражать нервную систему. Публикации на эту тему появлялись в журнале «*Klinischen Wochenschrift*», а в Гейдельбергском научно-медицинском обществе 4 февраля 1925 г. было сделано соответствующее сообщение [11].

Вильманс считал, что в странах, где в лечении сифилиса широко использовался сальварсан, неврологические проявления – спинная сухотка и прогрессирующий паралич – встречались гораздо чаще, чем там, где сальварсан не использовался, либо применялся редко. По сегодняшним меркам, теория Вильманса звучала очень «неполиткорректно»: в «цивилизованных» странах из-за распространения сальварсанотерапии превалировал нейросифилис; в «примитивных обществах» доминировали цветущие формы болезни во всем многообразии наружных проявлений [10].

В Европе, где сальварсан активно использовался уже пятнадцать лет, найти большие группы сифилитиков, никогда не подвергавшихся сальварсанотерапии, было затруднительно. Колоний у Германии после Версальского мира не осталось. А Бурят-Монголия с ее 42 % населения, пораженного сифилисом, представляла собой идеальный полигон для проверки гипотезы. Тем более, большевики сами искали решения этой проблемы и потому могли легко согласиться на организацию экспедиции.

В Германии закрутились приводные колеса научных контактов. Ключевой фигурой стал Фридрих Шмидт-Отт (1860–1956), глава Особого общества

содействия германской науке (*Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft*), финансировавшего тогда почти всю науку Германии. Осенью 1925 г. он обратился к находившемуся в Берлине в командировке управделами СНК СССР Н.П. Горбунову, курировавшему область науки и технологий, и обсудил с ним перспективу организации совместной экспедиции. Чуть позже, когда в Ленинграде проходило масштабное празднование 200-летия Академии наук СССР, Шмидт-Отт обсудил этот вопрос с М.И. Калининым, Н.П. Горбуновым, А.В. Луначарским и главой АН СССР академиком С.Ф. Ольденбургом, заручившись поддержкой высшего политического и научного руководства СССР [1].

На следующем этапе к делу организации экспедиции непосредственно подключился основной медицинский «лоббист» Бурят-Монгольской АССР – В.М. Броннер. В середине марта 1926 г. в берлинской квартире представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга прошло совещание нескольких немецких профессоров (К. Вильманс, А. Штюмер, О. Фогт) и их советских визави во главе с Броннером. Было окончательно решено, что экспедиция будет направлена в Бурят-Монголию. Ориентировочно, ее начало наметили на весну 1927 г., а продолжительность определили в четыре месяца. Более того, был обговорен предварительный визит Вильманса и Штюмера в Россию для обсуждения планов экспедиции в Москве и рекогносцировочной поездки в Бурят-Монголию. Его назначили на конец мая – начало июня 1926 г. [1].

Рекогносцировка состоялась по намеченному плану летом 1926 г. В результате в составе участников проекта произошли кардинальные изменения: после поездки профессора Вильманс и Штюмер отказались от дальнейшего участия в предприятии. Казалось бы, главные бенефициары с немецкой стороны выпали из обоймы, и это должно было нанести непоправимый урон всему проекту. Однако, вместо этого предварительная экспедиция 1926 г. стала решающей для окончательного формирования научной повестки основной экспедиции. Вот как это произошло.

Жанр статьи не позволяет полностью описать причины, по которым К. Вильманс и А. Штюмер решили воздержаться от повторного визита в БМАСР. Подробно они описаны в документах, опубликованных С. Соломон в 1995 г. Основная же проблема состояла в том, что увидев своими глазами масштаб проблемы, оба немецких профессора переключились из чисто научного поля в область практической медицины, настаивая на том, что местному населению необходима срочная лечебная помощь. Это вызвало ревнивую реакцию советской стороны: придерживаясь рамок вежливости, нарком здравоохранения Н.А. Семашко четко дал понять, что в плане организации медицинской помощи Наркомздрав РСФСР в содействии немцев совершенно не нуждается. В.М. Броннер формально был вынужден разделить точку зрения начальства, но с оговоркой: «Совместную экспедицию с немецкими учеными считаем целесообразной организовать лишь при условии, что она преследовала цели исследовательские» [1].

Так произошло то разделение повесток, из-за которого С. Соломон посчитала советско-германскую

экспедицию 1928 г. по изучению сифилиса в Бурят-Монголии двумя экспедициями, преследовавшими разные цели. Наркомздрав РСФСР нужна была не только помощь немцев, но и то, что сегодня называется «паблисити» или «пиар». Нарботав определенный опыт в централизованной борьбе с социальными заболеваниями, создав систему специализированных диспансеров, взрастив в венерологических отрядах и экспедициях эффективные в практической организации медицинской помощи кадры, советские организаторы здравоохранения не желали вторжения иностранцев в эту «зону комфорта». Еще менее нуждались они в советах и критике там, где сами хотели бы широко пропагандировать свой передовой опыт.

Именно в этом плане Я.Р. Гольденберг высоко оценивал доклад Ф. Пинкуса в берлинской клинике Шарите по возвращении с харьковского венерологического съезда, отмечая: «Профессор Пинкус, объективный наблюдатель, избегающий в своем докладе всякого социального освещения, все-таки не мог перед всем Западом не подчеркнуть того великого, что происходит в Советской России» [6]. Большевики охотно демонстрировали иностранцам свои специализированные научные институты, музеи, санитарно-просветительские выставки и систему диспансеров. Но, как только от немцев поступило предложение содействия в практической организации венерологической помощи, Наркомздрав РСФСР отреагировал категорическим отказом.

Таким образом, стало очевидным, что руководство советским здравоохранением допустит реализацию проекта лишь при одном условии – повестка германской стороны должна включать только научные исследования. Все практические лечебные мероприятия и поиски социальных причин эндемического сифилиса являлись исключительной прерогативой советской части экспедиции [1, с. 206].

Казалось, что вся перспектива совместной медицинской экспедиции в Бурят-Монголию стремительно летит под откос. Однако в очередной раз в пользу бурятского народа сыграл фактор крайнего прагматизма большевиков. Во-первых, обсуждая организационные вопросы, немцы ясно артикулировали свой научный интерес, подкрепляя это тем, что экспедиция будет снабжена современным оборудованием, включая рентгеновскую установку, мобильную лабораторию, холодильное оборудование, электрогенераторы и автомобили. К тому моменту ничего из этого в Бурят-Монгольской АССР не имелось. Наркомздрав РСФСР тоже не мог предоставить оборудование такого класса. Экспедиция давала уникальную возможность получить и высококлассную германскую технику, и лучшую научную венерологическую экспертизу именно там, где в них нуждались больше всего. Такой проект сам по себе являлся пропагандистским мероприятием огромного значения.

Во-вторых, проект экспедиции поддерживался управделами СНК СССР Н.П. Горбуновым, курировавшим сектор науки и технологий, а также вызывал полное понимание и поддержку в Академии наук СССР. Ее глава, академик С.Ф. Ольденбург (1863-1934), известный русский востоковед, провел осень 1926 г. в Евро-

пе, где искал возможности научного сотрудничества. В Германии он встретился с К. Вильмансом и обсудил перспективы экспедиции. После беседы он написал обстоятельное письмо председателю Комиссии по контролю за повседневной деятельностью Академии наук СССР А.С. Енукидзе, в котором высказал свое видение роли будущей совместной экспедиции в налаживании постоянных советско-германских научных связей.

С.Ф. Ольденбург видел в ней, прежде всего, прекрасную возможность для советских врачей получить передовые научные знания и навыки из рук настоящих специалистов. При этом, материальные затраты были бы минимальны, так как по достигнутой договоренности экспедиция, в основном, финансировалась из средств Особого общества содействия германской науке (*NDW*). Более того, академик Ольденбург видел в ней начало постоянного научного сотрудничества. «Экспедиция – великолепная школа, – писал он. – Надо обратить особое внимание на совместные экспедиции и на обучение нашей молодежи за границей» [1].

Сложилась редкая для советской истории ситуация, в которой точки зрения Кремля и АН СССР не просто совпали, а прозвучали в унисон, кристаллизовавшись в единодушной поддержке проекта. По итогам встречи с С.Ф. Ольденбургом Н.П. Горбунов направил наркому здравоохранения РСФСР письмо, где выразил такую позицию: «Я лично полагаю, что если снаряжение этой экспедиции материально не менее выгодно, чем других работающих уже отрядов, то отказываться от их предложения нецелесообразно» [1].

После продолжавшейся весь 1927 г. подготовки были, наконец, урегулированы основные финансовые вопросы и утвержден состав экспедиции. В нее вошли девять немцев: венерологи, серолог, генетик, невролог, специалисты из Института мозга им кайзера Вильгельма в Берлине, лаборантка и инженер для наладки оборудования. Руководил германской группой профессор Макс Йесснер, главный врач университетской клиники в Бреслау, сифилидолог. Советскую сторону в экспедиции представляли венерологи и серологи из Государственного венерологического института (ГВИ), представители Бурнаркомздрава, а также два антрополога из Комиссии по изучению племенного состава (КИПС) при АН СССР. Руководителем был заведующий кожно-венерологическими диспансерами Наркомздрава РСФСР, профессор ГВИ Н.Л. Россиянский [1].

Совместная советско-германская экспедиция по изучению сифилиса прибыла в Верхнеудинск 25 мая 1928 г. Ее работа регулярно освещалась в газете «Бурят-Монгольская правда»; материалы о ней появлялись в «Известиях» и «Вечерней Москве». Параллельно с экспедицией в республике работала съемочная группа киноконцерна «Совкино». На основе снятого в БМАССР материала в 1929 г. вышел документальный фильм «По Бурят-Монголии», сюжет которого был построен вокруг деятельности совместной советско-германской экспедиции [7].

После Верхнеудинска, 28 мая 1928 г. экспедиция выдвинулась в проблемный по сифилису Хоринский аймак. Экспедиционной базой стала больница в селе Кульск. Там имелось четыре здания дореволюционной постройки, где разместились микробиологическая, се-

рологическая и экспериментальная лаборатории, рентген-кабинет, стационар на 28 коек и виварий. Вспомогательная база для обследования дальних улусов была развернута в селе Домно-Еравнинское в 170 км от Кульской больницы.

Экспедиция привлекла толпы народа, среди которых большинство приехали лечиться. Черно-белые кадры кинохроники передают убедительные образы: изуродованные болезнью лица и тела, любопытство и надежду в глазах съехавшихся в Кульск людей, выразительную жестикуляцию и мимику выступивших на собрании ораторов из состава экспедиции, а главное, сосредоточенную работу врачей. Немцы работали быстро и слаженно. Очередь из больных, растянувшаяся на сотни метров, постоянно двигалась вперед. Женщин и мужчин принимали и осматривали в отдельных помещениях [7]. С полной нагрузкой функционировали рентген-кабинет, микробиологическая и серологическая лаборатории. Постоянно шел забор крови и спинномозговой жидкости. В день удавалось осматривать от 150 до 200 больных.

Студенткой участвовавшая в работе экспедиции Т.И. Семенова, впоследствии старейший дерматовенеролог Бурятии, вспоминала, что больница была полностью электрифицирована и уже тогда немцы пользовались одноразовыми инструментами и материалами, бросая их в специальный большой таз. Нарком А.Т. Трубочев велел сотрудникам Бурнаркомздрава: «Собирайте все брошенные инструменты. Мы будем их использовать» [2].

В отличие от немцев, советские врачи не были привязаны к громоздкому стационарному оборудованию и совершали дальние разъезды. Мобильные группы обследовали бурят в отдаленном Зыргыликском сомоне, в улусах Загустай, Унанский и Головинский Чесанского сомона [2]. Специалисты изучали условия жизни и социальную среду в поисках причин распространенности сифилиса. Антропологи КИПС проводили собеседования с местными жителями, используя особую анкету.

Работа экспедиции продолжалась 62 дня. За это время врачи осмотрели по разным данным от 3 012 до 4 967 чел. Из этого количества русские составили от 956 до 971 чел. [2, 3]. Немцы произвели у бурят 1 400 люмбальных пункций для выявления нейросифилиса. Как выяснилось, не подвергавшееся систематической сальварсанотерапии бурятское население давало ту же картину течения болезни, что и европейское. Было выявлено множество случаев нейросифилиса и аортита. Штаммы бледной трепонемы из крови и спинномозговой жидкости больных в Хоринском аймаке, привитые 59 кроликам, показали точно такие же свойства, как и «европейские» штаммы. Таким образом, экспедиционные врачи экспериментально доказали несостоятельность теории К. Вильманса [3].

Советские же врачи установили, что основным фактором распространения болезни были не столько социально-бытовые условия, сколько особенности половых отношений у бурят [1, с. 213]. Этот вывод существенно подрывал аксиоматическую конструкцию, разработанную еще русскими врачами-общественниками о «сифилисе невинных». Оказалось, что в спец-

ифических культурно-бытовых условиях кочевого общества проблема была гораздо сложнее, чем просто скученность, антисанитария и отсутствие гигиенических навыков. Требовалась глубинная трансформация всего традиционного образа жизни, включая комплекс понятий о семье, половой морали, деторождении. К чему привело такое переформатирование целой культуры, ученым еще предстоит выяснить.

Работа советско-германской экспедиции официально завершилась 3 сентября 1928 г. По единодушному мнению глав немецкой и советской групп, ее основные цели были достигнуты, а задачи – решены. Часть имущества экспедиции – автомобиль «Форд» и рентгеновская установка – были приобретены по выгодной цене Бурнаркомздравом и остались в Бурят-Монголии [1]. Были собраны ценнейшие сведения об опасном заболевании, тысячи больных получили курс специфической терапии, а среди бурят укрепилось доверие к советским врачам и институту здравоохранения.

Как и рассчитывал С.Ф. Ольденбург, гораздо более долговременным результатом этой экспедиции стал бесценный опыт, полученный советскими врачами в ходе совместной с немцами исследовательской и лечебной работы. Особенно важным это сотрудничество было для врачей Бурнаркомздрава: привлечение международной экспертизы стало официальным подтверждением большой важности проводимой ими кампании по борьбе с социальными заболеваниями, а знакомство с методами работы германских коллег задало новую планку профессиональных стандартов.

Для формирующегося здравоохранения Бурят-Монгольской АССР совместная экспедиция стала ключевым мероприятием международного сотрудничества в межвоенный период. На несколько месяцев к национальной автономии на востоке страны было приковано внимание центральных советских СМИ и крупнейшей кинофабрики страны. Работа врачей показала эффективность формата международной экспедиции в решении сложных и запущенных проблем здоровья коренных народов Сибири. Для Наркомздрава РСФСР и Бурнаркомздрава это был важный шаг вперед в деле создания новых организационных форм здравоохранения. Как раз в тот период в соседних Монголии и Туве советские врачи в формате медико-санитарных экспедиций разворачивали деятельность советских медицинских пунктов и больниц, фактически экспортируя в эти страны советские организационные модели здравоохранения.

Бурят-Монголия еще долго могла бы быть бенефициаром советско-германских медицинских связей. Экспедиция породила массу планов на будущее, которым, к сожалению, не удалось сбыться. Близился грандиозный сталинский эксперимент – коллективизация и индустриализация, а в Германии все увереннее заявляли о себе нацисты. С изменением политической обстановки все результаты экспедиции фактически оказались под спудом в Германии, а в СССР ее основные участники попали под каток репрессий 1937-1938 гг.

Тем не менее международные связи сыграли важную роль в становлении здравоохранения в Бурятии. Сотрудничество, сконцентрированное на решении наиболее острой из проблем здоровья бурятского на-

рода, помогло добиться не только снижения заболеваемости сифилисом и туберкулезом, но и сделало Бурят-Монголию регионом повышенного внимания для Наркомздрава РСФСР и даже Кремля. Поэтому весь конец 1920-х и первую половину 1930-х гг. в БМАССР ежегодно работали экспедиции различных центральных ведомств, от Деткомиссии ВЦИК до Моссовета и Музея антропологии и этнографии АН СССР. В

международном медицинском сотрудничестве для оздоровления населения Бурят-Монголии на практике реализовался трансфер научных знаний и технологий, прагматично заимствованный большевиками и интегрированный в их собственную концепцию «мягкой силы» советской медицины в зарубежной Азии.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00031).

Литература

1. Башкуев В.Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX вв.). – Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2016. – 436 с.
2. Батоев Д.Б., Демкова Н.П., Батоев С.Д. Первый нарком Андрей Тимофеевич Трубочеев в истории здравоохранения Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во РЦМП, 2009. – 342 с.
3. Броннер В.М., Бейлин И.Б. Научно-исследовательские работы в области здравоохранения в Бурят-Монгольской АССР // Проблемы Бурят-Монгольской АССР: труды первой конференции по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР. Т. 2. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. – С. 368-387.
4. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). – Ф. Р-248. – Оп. 2. – Д. 33. – Л. 45-46.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А-482. – Оп 55. – Д. 21. – Л. 229.
6. ГАРФ. – Ф. А-482. – Оп 55. – Д. 21. – Л. 229-230.

7. По Бурят-Монголии (реж. Л. Степанова, оп. В. Беляев, Совкино, 1929).
8. Шперк Э.Ф. Медико-топографические замечания о сифилисе в Северо-Восточной Сибири, называемому там «проказою». – СПб.: Типография духовного журнала «Странник», 1863. – 62 с.
9. Engelstein L. Morality and the Wooden Spoon: Russian Doctors View Syphilis, Social Class, and Sexual Behavior, 1890–1905 // Representations. – 1986. – № 14. – P. 169-208.
10. Solomon S. The Soviet-German Syphilis Expedition to Buriat-Mongolia, 1928: Scientific Research on National Minorities // Slavic Review. – 1993. Vol. 52. – № 2. – P. 204-232.
11. Solomon S. Das Reisetagebuch als Quelle für die Analyse binationaler medizinischer Unternehmungen // Lues, Lamas, Leninisten. Tagebuch einer Reise durch Rußland in die Burjatische Republik im Sommer 1926; [Herausgeber W.U. Eckart]. Pfaffenweiler: Centaurus-Verl., 1995. – 313 p.

Literature

1. Bashkuev V.Yu. Russian medicine and Mongolian world: historical experience of interaction (late XIX-th the first half of the XX-th century). – Irkutsk: PH «Ottisk», 2016. – 436 p.
2. Batoev D.B., Demkova N.P., Batoev S.D. The first People's Commissar Andrey Timofeevich Trubacheev in the history of Buryatiya. – Ulan-Ude: PH RCMP, 2009. – 342 p.
3. Bronner V.M., Beilin I.B. Public health related studies in the Buryat-Mongolian ASSR // Problems of the Buryat-Mongolian ASSR: works of the 1st conference on the study of production forces of the Buryat-Mongolian ASSR. – Vol. 2. – M.-L.: PH of the USSR Academy of Sciences, 1936. – P. 368-387.
4. GARB (The State Archive of the Republic of Buryatia). – F. R-248. – Inv.2. – Case 33. – Sheets 45-46.
5. GARF (The State Archive of the Russian Federation). – F. A-482. – Inv. 55. – Case 21. – Sheet 229.
6. GARF. – F. A-482. – Inv. 55. – Case 21. – Sheets 229-230.

7. Across Buryat-Mongolia (Dir. L. Stepanova, op. V. Belyaev, Sovkino, 1929).
8. Shperk E.F. Medical-topographic remarks on syphilis in Northeast Siberia called «leprosy» there. – SPb.: Printing House of the spiritual Journal «Strannik», 1863. – 62 p.
9. Engelstein L. Morality and the Wooden Spoon: Russian Doctors View Syphilis, Social Class, and Sexual Behavior, 1890–1905 // Representations. – 1986. – № 14. – P. 169-208.
10. Solomon S. The Soviet-German Syphilis Expedition to Buriat-Mongolia, 1928: Scientific Research on National Minorities // Slavic Review. – 1993. Vol. 52. – № 2. – P. 204-232.
11. Solomon S. Das Reisetagebuch als Quelle für die Analyse binationaler medizinischer Unternehmungen // Lues, Lamas, Leninisten. Tagebuch einer Reise durch Rußland in die Burjatische Republik im Sommer 1926; [Herausgeber W.U. Eckart]. Pfaffenweiler: Centaurus-Verl., 1995. – 313 p.

Координаты для связи с авторами: Башкуев Всеволод Юрьевич – д-р исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, тел. +7-908-596-95-13, e-mail: vbashkuev@gmail.com; Шеноева Полина Антоновна – магистрантка факультета перевода, лингвистики и культурологии Майнцского университета им. Иоганна Гутенберга в Гермерсхайме, г. Гермерсхайм, Германия, тел. +7-926-665-74-30, e-mail: polinashenoeva@gmail.com.

